Master Negative Storage Number

OCI00052.12

Kassirov, A.

Polnaia skazka o sil'nom, slavnom i Moskva

1918

Reel: 52 Title: 12

BIBLIOGRAPHIC RECORD TARGET
PRESERVATION OFFICE
CLEVELAND PUBLIC LIBRARY

RLG GREAT COLLECTIONS
MICROFILMING PROJECT, PHASE IV
JOHN G. WHITE CHAPBOOK COLLECTION

Master Negative Storage Number: OCI00052.12

Control Number: BGN-1485
OCLC Number : 25002931
Call Number : W 381.5917N K154p
Author : Kassirov, A.
Title : Polnaia skazka o sil'nom, slavnom i khrabrom vitiazie Bovie Korolevichie i o prekrasnoi suprugie ego korolevnie Druzhnevnie / izlozhil A. Kassirov.
Imprint : Moskva : Tip. T-va I.D. Sytina, 1918.
Format : 82 p. ; 17 cm.
Note : Colored ill. on cover.
Subject : Chapbooks, Russian.
Subject : Fairy tales Russia.

MICROFILMED BY
PRESERVATION RESOURCES (BETHLEHEM, PA)
On behalf of the
Preservation Office, Cleveland Public Library
Cleveland, Ohio, USA
Film Size: 35mm microfilm
Image Placement: IIB
Reduction Ratio: 8:1
Date filming began: 10.31.94
Camera Operator: CS

39

W 76

СКАЗКА

Литографія Т-ва И. Д. Сытина. Москва. 1918 г.

W 381.5917N K154P

ПОЛНАЯ СКАЗКА

О

СИЛЬНОМЪ, СЛАВНОМЪ И ХРАБРОМЪ ВИТЯЗѢ

БОВѢ КОРОЛЕВИЧѢ

И О ПРЕКРАСНОЙ СУПРУГѢ ЕГО КОРОЛЕВНѢ ДРУЖНЕВНѢ.

Изложилъ *А. Кассировъ.*

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., с. д.
МОСКВА.—1918.

ПОЛНАЯ СКАЗКА

о

сильномъ, сдѣльномъ и храбромъ [illegible]

БОЗѢ КОРОЛЕВНѢ

и о прекрасной супругѣ его

КОРОЛЕВНѢ ДРУЖНЕВНѢ.

Изложилъ А. Косоуровъ.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., с. [illegible]
МОСКВА.—1918.

MISSING PAGES 1 - 4

MISSING PAGES 1 - 4

сить тебя себѣ въ замужество. Что ты скажешь на это?

Милитриса Кирбитовна потупилась и ничего не отвѣчала, а отецъ между тѣмъ продолжалъ:

— Вѣдь женихъ хоть куда, притомъ же я давно знаю, что онъ очень уменъ, богатъ, весьма храбръ и хорошъ собою, а главное, скажу тебѣ, если ты откажешь ему, то онъ жестоко обидится, и черезъ это мы навлечемъ на себя большую грозу; да и какъ отказать такому сильному и непобѣдимому королю: это значило бы поссориться съ нимъ. Я знаю его благородный и горячій характеръ, а съ нимъ — его храброе войско и богатырей; онъ объявитъ мнѣ войну, побьетъ все мое войско, меня самого возьметъ въ плѣнъ, и тогда ты поневолѣ должна будешь сдѣлаться его рабой.

Милитриса Кирбитовна, выслушавъ отца своего, пала передъ нимъ на колѣни и отвѣчала ему:

— Государь мой батюшка, славный и храбрый князь Кирбитъ Верзоуловичъ! Прости меня великодушно, если отвѣтъ мой будетъ тебѣ не по сердцу и не согласенъ съ твоимъ желаніемъ: Итти замужъ я ни за кого не намѣрена, потому что время для замужества моего уже прошло и лѣта мои цвѣтущія миновали. Когда я была въ порѣ первой молодости и когда сватался за меня князь Додонъ, ты отказалъ ему въ моей рукѣ, а теперь, прошу тебя, не отдавай меня за короля Гвидона. Если же милость твоя будетъ, и ты желаешь сдѣлать меня счастливою, то позволь мнѣ лучше вступить въ бракъ съ княземъ Додономъ, который мнѣ по мысли; да притъ

томъ же онъ и княжество наше оберегаетъ и охраняетъ отъ нападенія нашихъ непріятелей.

На такую рѣчь дочери Кирбитъ Верзоуловичъ возразилъ:

— Любезная дочь моя! какъ родитель твой, я имѣю полное право располагать твоею судьбою. Ты еще дитя и не понимаешь сама, отъ какого завиднаго счастья отказываешься. Да на твоемъ мѣстѣ всякая съ руками бы оторвала такого завиднаго жениха, какъ король Гвидонъ. Знай, дочь моя, что я почитаю за особенную честь для себя имѣть такого умнаго, храбраго и богатаго зятя. А что я отказалъ въ рукѣ твоей Додону, на это я имѣлъ свои причины, о которыхъ знать тебѣ не должно; теперь же я очень радъ, что король Гвидонъ посватался за тебя, и отказать ему я никакимъ образомъ не могу, а приказываю тебѣ повиноваться. Будь готова ѣхать къ будущему жениху твоему, славному и храброму королю Гвидону, — такъ я хочу. Не смѣй ослушаться!

Послѣ этихъ словъ онъ удалился, чтобы не измѣнить принятому на себя строгому виду въ отношеніи единственной и нѣжно любимой имъ дочери.

Дѣлать было нечего: родительской волѣ противиться невозможно, и прекрасная Милитриса Кирбитовна, скрѣпя сердце, нарядилась при помощи нянюшекъ и мамушекъ въ свое лучшее платье, а Кирбитъ Верзоуповичъ между тѣмъ приказалъ приготовить великолѣпный экипажъ; Личарду же отправилъ къ королю Гвидону, чтобы предупредить его о скоромъ ихъ пріѣздѣ

и чтобы Гвидонъ приготовился встрѣтить свою невѣсту, прекрасную Милитрису Кирбитовну.

Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Вслѣдъ за слугою Личардою отправилась въ королевство Гвидона въ великолѣпномъ поѣздѣ Милитриса Кирбитовна, въ сопровожденіи своего отца и первѣйшихъ вельможъ. Король Гвидонъ, узнавъ отъ Личарды о скоромъ прибытіи невѣсты, приказалъ приготовить все къ великолѣпной встрѣчѣ и самъ былъ очень радъ, что дѣло уладилось такъ скоро и согласно, какъ ему и хотѣлось. Онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ прибытія той, которая ни днемъ ни ночью не выходила изъ его головы. Наконецъ, когда карета съ прекрасною невѣстой остановилась у крыльца, Гвидонъ подалъ руку Милитрисѣ Кирбитовнѣ, помогъ ей выйти изъ кареты и повелъ ее подъ руку во дворецъ, гдѣ знаменитые гости были встрѣчены почетными членами княжескаго дворца.

У короля Гвидона, конечно, не пиво варить, не вино курить, а живо честнымъ пиркомъ, да и за свадебку. На другой же день онъ обвѣнчался съ Милитрисой Кирбитовной, и по этому случаю во всемъ королевствѣ Гвидона продолжался веселый пиръ цѣлую недѣлю. Послѣ свадьбы король Гвидонъ жилъ съ Милитрисой Кирбитовной въ великой любви и согласіи три года, и у нихъ, къ общей ихъ радости, родился сынъ, которому они дали имя «Бова королевичъ».

Кажется, все шло благополучно; надо бы жить да радоваться, но Милитриса Кирбитовна скучала. Всѣ дивились и не могли придумать,

отчего Милитриса Кирбитовна среди своего княжескаго великолѣпія и роскоши грустила и часто задумывалась. Кажется, чего бы не доставало ей: платьевъ ли цвѣтныхъ, сластей ли заморскихъ, или какихъ забавъ и увеселеній, — у короля Гвидона всего было вволю. Не успѣетъ, бывало, Милитриса Кирбитовна глазомъ моргнуть, какъ передъ нею, точно по щучьему велѣнью, является все по ея желанію. Нельзя было и того сказать, чтобы мужъ не любилъ ея; напротивъ, онъ такъ горячо любилъ ее, что предупреждалъ даже всѣ малѣйшія ея желанія и порою не зналъ даже, какъ и приласкаться къ ней. Какая же могла быть причина безпрестанной скуки ея? Догадаться было мудрено.

Однажды она позвала къ себѣ вѣрнаго слугу Личарду и попросила его сослужить ей службу вѣрою и правдою.

— Отвези, — сказала она, — отъ меня вотъ это письмо къ храброму и славному князю Додону, да смотри, чтобы оно было передано прямо въ его руки; если же ты не исполнишь этого, то поплатишься за это своей головой!

Сколько лѣтъ служилъ доброму королю Гвидону вѣрный Личарда, а никогда еще не слыхивалъ такого грознаго приказанія. Горько было ему, и онъ предчувствовалъ даже, что въ этомъ порученіи скрывалось что-то недоброе; но королева грозила ему смертію, — ослушаться было невозможно, и Личарда, не мѣшкая, отправился къ князю Додону. Пріѣхалъ въ его городъ, онъ пришелъ во дворецъ Додона и подалъ письмо отъ своей королевы самому князю. Прочитавъ

письмо до послѣдней строки, Додонъ покачалъ головою, разсмѣялся и сказалъ Личардѣ:

— Неужели Милитриса Кирбитовна замужемъ за великимъ королемъ Гвидономъ и притомъ успѣла уже родить ему сына? Мнѣ что-то не вѣрится.

— Все это истинная правда, — отвѣчалъ Личарда съ низкимъ поклономъ.

Додонъ пожалъ плечами и сказалъ Личардѣ:

— Ну, ты мнѣ теперь больше ненуженъ; можешь отправляться домой. Кланяйся отъ меня королевѣ, — прибавилъ онъ вслѣдъ уходящему Личардѣ.

А самъ, оставшись наединѣ, прочиталъ еще разъ со вниманіемъ письмо. Вотъ что писала къ нему Милитриса Кирбитовна:

«Любезный и храбрый князь Додонъ! Родителю моему угодно было, совершенно противъ моего желанія, отдать меня за короля Гвидона, отъ котораго я родила уже сына; но я его не люблю. Находясь въ такомъ непріятномъ положеніи, я прошу тебя, какъ нѣкогда бывшаго и донынѣ любимаго мною жениха, съ помощью твоего храбраго войска, освободить меня силою твоего оружія отъ моего мужа, котораго я ненавижу».

Князь Додонъ, прочитавъ письмо въ другой разъ и немного подумавъ, тотчасъ же приказалъ трубить въ бранный рогъ и созывать свою храбрую дружину. Въ скоромъ времени собралось сорокъ тысячъ отборнаго храбраго войска, молодецъ къ молодцу. Додонъ повелъ его прямо къ столицѣ Гвидоновой, городу Антону, и остановился съ нимъ на лугахъ княжескихъ, раскинувъ тамъ многочисленные шатры.

Когда Милитриса Кирбитовна увидала изъ окна своего терема бѣлѣющіеся на лугахъ шатры и догадалась, что князь Додонъ пришелъ съ своимъ войскомъ, она сердечно обрадовалась этому, нарядилась въ самое лучшее платье, чтобъ казаться еще прекраснѣе, и вошла къ своему мужу Гвидону. Она лукаво бросилась къ нему на шею, крѣпко поцѣловала его и сказала ему съ притворно-ласковою улыбкой:

— Знаешь ли, что я хочу сказать тебѣ, мой другъ?..

— Что такое? Говори, пожалуйста,—отвѣчалъ Гвидонъ, удивленный нѣжностью своей супруги, которая обыкновенно обращалась съ нимъ довольно сухо.

— Право, мнѣ даже совѣстно сказать тебѣ,— продолжала лукаво Милитриса Кирбитовна.

— Ну, что жъ тебѣ совѣститься меня,—возразилъ добродушно Гвидонъ,—говори прямо, что такое?

— Вотъ что,—отвѣчала она, еще болѣе ласкаясь къ мужу:—мнѣ захотѣлось мяса дикаго вепря... Я чувствую, что я снова беременна, и мнѣ желательно было бы, чтобы ты самъ поѣхалъ охотиться на вепря, убилъ бы его своими руками и принесъ ко мнѣ... Ахъ, какъ бы ты утѣшилъ меня этимъ!..

Ласковое обращеніе жены до того обрадовало и развеселило Гвидона, что онъ въ угожденіе ей тотчасъ же поѣхалъ за городъ охотиться на вепря, а Милитриса Кирбитовна въ ту же минуту приказала запереть за нимъ городскія ворота и поднять подъемные мосты черезъ рѣку, чтобы не было снаружи въѣзда въ городъ, и

отнюдь не велѣла впускать никого внутрь города.

Между тѣмъ, король Гвидонъ, ничего не подозрѣвая, весело переѣхалъ подъемный мостъ и уже принялъ направленіе къ лѣсу, какъ въ это самое время князь Додонъ, увѣдомленный объ его выѣздѣ, погнался вслѣдъ за нимъ съ нѣсколькими всадниками. Замѣтивъ за собою погоню и будучи безоружент, король Гвидонъ повернулъ обратно коня и хотѣлъ спастись бѣгствомъ; но, подъѣхавъ къ мосту, онъ увидалъ, что мостъ былъ поднятъ. Тутъ понялъ несчастный король, что онъ былъ жестоко обманутъ.

Погоня была близка, раздумывать некогда, и король Гвидонъ бросился изъ одной крайности въ другую. Онъ хотѣлъ спастись вплавь, пришпорилъ коня и бросился въ воду; но такъ какъ рѣка была очень быстра и широка, то Гвидонъ, выбившись изъ силъ, потонулъ вмѣстѣ съ конемъ своимъ.

Королева Милитриса Кирбитовна все это видѣла изъ окна своего терема; она была очень рада гибели мужа, котораго не любила, и тотчасъ же приказала отворить городскія ворота и опустить подъемные мосты. Когда приказаніе было исполнено, она увѣдомила князя Додона, что онъ безпрепятственно можетъ вступить въ городъ; затѣмъ сама отправилась къ городскимъ воротамъ, встрѣтила его съ великою радостію, взяла за руки, крѣпко поцѣловала и повела въ свой теремъ.

Когда пришли они въ покои королевскіе, то она посадила князя Додона за столы дубовые, за скатерти бранные, за яства сахарныя, за на-

питки медвяные. Они сидѣли, ѣли, пили и прохлаждались, другъ на друга любовались, въ веселой бесѣдушкѣ вели рѣчи сладкія.

А Бова королевичъ въ это время былъ еще трехлѣтнимъ ребенкомъ и ничего не понималъ; но, увидавъ, что мать его сидитъ съ совершенно незнакомымъ ему человѣкомъ, нисколько не похожимъ на отца его, который очень любилъ Бову и всегда за столомъ кормилъ его всякими лакомствами, почуялъ дѣтскимъ сердцемъ, что тутъ творится что-то недоброе, испугался, выбѣжалъ изъ терема и спрятался въ княжескія конюшни, гдѣ забился подъ ясли, чтобы не могли найти его. Но у Бовы королевича былъ вѣрный дядька Симбалда, который былъ приставленъ къ нему покойнымъ королемъ Гвидономъ для воспитанія. Дядька этотъ очень любилъ Бову и оберегалъ его отъ всякихъ опасностей.

Замѣтивъ отсутствіе Бовы королевича, дядька Симбалда тотчасъ же принялся повсюду искать его. Послѣ долгихъ поисковъ, онъ насилу могъ отыскать его въ конюшнѣ подъ яслями. Отыскавъ его, дядька Симбалда помогъ маленькому королевичу вылѣзти изъ-подъ яслей; увидавъ дядьку, Бова очень обрадовался и бросился ему на шею. Видя своего милаго воспитанника въ такомъ горькомъ положеніи, добрый дядька прослезился и сказалъ:

— Милый мой Бова королевичъ! До какого униженія мы дожили! а всему причиной твоя матушка. Она изволила сговориться съ княземъ Додономъ, и погубили они славнаго короля Гвидона. Теперь они пируютъ и веселятся, а

MISSING PAGES 13 - 14

MISSING PAGES 13 - 14

опасностью отъ Бовы королевича. Испуганный Додонъ сейчасъ же послалъ нарочнаго къ Милитрисѣ Кирбитовнѣ увѣдомить ее о видѣнномъ страшномъ снѣ, а самъ остался съ войскомъ подъ городомъ Суминымъ и началъ осаждать его. Дядька Симбалда выставилъ противъ него тридцать тысячъ отборнаго войска и мужественно выдерживалъ осаду, нерѣдко дѣлая вылазки и разбивая войско Додоново. Такимъ образомъ, Додонъ простоялъ подъ городомъ Суминымъ болѣе шести мѣсяцевъ безъ всякаго успѣха, не могъ взять города и принужденъ былъ возвратиться домой.

По прибытіи къ Милитрисѣ Кирбитовнѣ Додонъ началъ говорить ей о своемъ снѣ.

— Я боюсь, чтобъ этотъ сонъ не сбылся на самомъ дѣлѣ. Какъ только подрастетъ и возмужаетъ Бова, онъ непремѣнно постарается отомстить мнѣ за смерть своего отца; а чтобы устранить такую опасность, которая грозитъ мнѣ въ будущемъ, я прошу тебя предать Бову королевича смерти.

Милитриса Кирбитовна, выслушавъ слова Додона, крѣпко призадумалась. «Какъ предать смерти своего родного сына?!» Одна эта мысль заставила ее въ ужасѣ трепетать, и она, упавъ на одно колѣно передъ Додономъ, сказала:

— Государь мой, любезный князь Додонъ! Ты знаешь, какъ я люблю тебя, знаешь, что я готова исполнить всѣ твои желанія; но поразмысли самъ, неужели я не мать своему дѣтищу, неужели руки мои поднимутся на моего ребенка? За тѣмъ ли я носила его подъ сердцемъ своимъ, чтобы потомъ задушить его собствен-

ными руками? Нѣтъ, милый Додонъ, мнѣ страшно и подумать объ этомъ! А если тебѣ непремѣнно такъ угодно, то я велю посадить его въ въ темницу, хотя, быть-можетъ, онъ умретъ тамъ съ голода, но, по крайней мѣрѣ, мое материнское сердце не будетъ терзаться при видѣ его мученій.

Князь Додонъ согласился на ея рѣшеніе, и назначенъ былъ день, въ который Бову королевича должно посадить въ темницу.

Громко заговорила материнская любовь въ сердцѣ коварной губительницы мужа; ей было жаль Бову, и она день за днемъ откладывала исполненіе злодѣйскаго замысла. Но Додонъ, съ своей стороны, былъ неумолимъ къ судьбѣ бѣднаго ребенка; онъ съ каждымъ днемъ все настойчивѣе требовалъ его заключенія, и, наконецъ, Бова былъ посаженъ въ темницу и обреченъ въ ней на голодную смерть.

II.

Прошло нѣсколько дней. Однажды Милитриса Кирбитовна, разодѣтая въ богатое платье, пошла прогуливаться по широкому двору, окружавшему княжескій теремъ. На этомъ дворѣ, въ самомъ дальнемъ углу его, возвышалась башня, а въ ней находилась темница, въ которой томился голодомъ Бова королевичъ. Увидѣвъ изъ узкаго темничнаго окна свою мать, онъ сталъ ей жаловаться, что умираетъ съ голоду.

Бова королевичъ былъ очень красивый и умный мальчикъ, и матери было жаль его.

Увлекаемая внезапно пробудившимся порывомъ материнской нѣжности, она подошла къ окну, откуда раздавался жалобный голосъ Бовы, и шепнула ему:

— Милый сынъ мой Бова, потерпи немного: я сейчасъ пришлю тебѣ ѣсть и пить!

Сказавъ это, она быстро удалилась. Придя въ теремъ, Милитриса Кирбитовна позвала къ себѣ дѣвку-чернавку и приказала ей тайно отнести Бовѣ королевичу нѣсколько кусковъ хлѣба и воды.

Дѣвка-чернавка пришла вечеромъ въ темницу и подала Бовѣ хлѣбъ и воду, присланные матерью, а сама горько прослезилась.

Бова королевичъ, утоливъ свой голодъ принесеннымъ ему хлѣбомъ и видя сожалѣніе служанки, попросилъ ее, чтобы она не запирала за собою дверь темницы.

Дѣвка-чернавка, сочувствуя его горькому положенію, согласилась исполнить его просьбу и оставила дверь темницы незапертою. Воротясь къ княгинѣ, она сказала:

— Ахъ, какъ онъ обрадовался хлѣбу! За каждымъ глоткомъ поминалъ онъ [redacted], княгиня, благодарилъ за то, что хотя одна ты надъ нимъ сжалилась!

Когда наступила ночь и во дворѣ всѣ уснули, Бова королевичъ, видя, что дверцы темницы были отперты, не почелъ нужнымъ болѣе оставаться въ ней и вышелъ на дворъ. Послѣ душнаго мрака темницы весело вздохнулъ онъ на открытое звѣздное небо, отрадно повѣялъ на него живительною прохладой ночной вѣтерокъ, и радостно забилось въ груди его сердце.

Желая какъ можно скорѣе удалиться отъ мѣста своего заточенія, онъ вышелъ за городъ и направился къ лѣсу. Въ лѣсу онъ вскорѣ набрелъ на шайку подозрительныхъ людей, промышлявшихъ разбоемъ. Такой прекрасный собою мальчикъ, какимъ былъ Бова королевичъ, показался имъ выгодною добычей: они взяли его; а такъ какъ поблизости отъ того мѣста находилось море, то отвели его къ корабельной пристани и предложили корабельщикамъ купить его у нихъ.

Плѣнившись красотою Бовы королевича, корабельщики охотно купили его, отдавъ за него разбойникамъ небольшую сумму.

— Чей ты сынъ? — спросилъ капитанъ корабля у Бовы.

Бова королевичъ не желалъ выдавать себя за королевскаго сына, боясь, чтобы его опять не вернули къ князю Додону и не посадили бы въ темницу, а потому немного схитрилъ и отвѣчалъ:

— Отецъ мой понамарь, а мать — пряха.

Капитанъ корабля не сталъ больше разспрашивать его. Прохаживаясь по кораблю, Бова королевичъ съ любопытствомъ осматривалъ всѣ предметы, привлекавшіе его вниманіе своею новостью, а корабельщики не могли надивиться необыкновенной красотѣ его. Погулявъ по кораблю и подкрѣпивъ свои силы сытною пищей, Бова легъ спать.

Корабельщики стали спорить между собою, кому владѣть этимъ мальчикомъ.

Бова королевичъ прослушалъ это время и, не раскрывая глазъ, сталъ прислушиваться къ

ихъ спору. Появъ, что споръ идетъ изъ-за него. онъ всталъ и сказалъ имъ:

— Вы спорите, кому владѣть мною? Не спорьте: я буду принадлежать и служить вамъ всѣмъ.

Умный и скромный отвѣтъ этотъ очень понравился новымъ хозяевамъ Бовы и заставилъ ихъ еще болѣе полюбить его.

Послѣ долгаго плаванія, которое продолжалось годъ три мѣсяца, корабль присталъ къ столицѣ знаменитаго Армянскаго королевства, которымъ управлялъ король Зензевей Андроновичъ.

Какъ только донесли Зензевею Андроновичу о прибытіи чужеземнаго корабля, онъ тотчасъ же послалъ вельможъ своихъ спросить у корабельщиковъ, съ какимъ товаромъ они прибыли. Вельможи пришли на корабль и, увидѣвъ Бову, не могли надивиться красотѣ его. Онъ до того очаровалъ ихъ, что они забыли, зачѣмъ были посланы, и, возвратившись къ королю, ни о чемъ больше не разсказывали ему, какъ только о прекрасномъ мальчикѣ. Они до того превозносили его, что король Зензевей отправился самъ на корабль.

Увидѣвъ Бову, онъ изумился и самъ позабылъ разспросить корабельщиковъ о привезенныхъ ими товарахъ.

— Продайте мнѣ этого мальчика, — сказалъ имъ король: — я вамъ заплачу за него триста литровъ золота.

Купцы почтительно отвѣчали королю:

— Мы охотно бы исполнили твое желаніе, государь, потому что не въ первый разъ посѣ-

щаемъ твое государство и всегда пользовались твоимъ гостепріимствомъ, но продать его мы не можемъ, потому что онъ у насъ общій.

Зензевей Андроновичъ до того плѣнился Бовою королевичемъ, что, несмотря на всѣ выгоды, какія могли принести ему торговыя сношенія съ чужеземными купцами, рѣшительно сказалъ имъ:

— Если вы продадите мнѣ его, то я позволю вамъ торговать въ моей столицѣ безданно-безпошлинно, а если нѣтъ, то прикажу [illegible] васъ въ темницу и никогда не выпущу. Тогда я завладѣю имъ поневолѣ.

Гости-корабельщики, зная, что Зензевей Андроновичъ насколько былъ добръ, настойчивъ же и настойчивъ въ своихъ требованіяхъ, испугались такихъ угрозъ и согласились продать ему Бову королевича.

Зензевей Андроновичъ велѣлъ отсчитать корабельщикамъ триста литровъ золота, позволилъ имъ торговать безданно-безпошлинно и вдобавокъ еще благодарилъ ихъ за доставленіе случая имѣть у себя такого чуднаго красавца-мальчика.

Онъ посадилъ Бову королевича на коня и поѣхалъ съ нимъ во дворецъ. Дорогою онъ спрашивалъ у Бовы:

— Какого ты рода?

Бова королевичъ скромно отвѣчалъ ему:

— Отецъ мой былъ понамарь, а мать — прачка. По смерти ихъ я остался круглымъ сиротою; меня схватили какіе-то люди съ недобрыми лицами и продали корабельщикамъ.

— А какое твое имя?

MISSING PAGES 21 - 28

MISSING PAGES 21 - 28

Послѣ этого побѣдитель сталъ еще болѣе смѣяться надъ трусостью непріятельскаго войска и надъ королемъ, а самъ все настойчивѣе продолжалъ требовать въ замужество королевну Дружневну.

А Бова королевичъ въ это время спалъ крѣпкимъ, богатырскимъ сномъ, который продолжался уже нѣсколько дней. И онъ не зналъ про грозу, которая, какъ туча, надвинулась и нависла надъ королемъ Зензевеемъ и его дочерью. Однако, онъ былъ разбуженъ криками непріятельскаго войска. До него донеслось ржаніе лошадей, шумъ и бряцаніе оружія. Бова, проснувшись, сообразилъ, что вокругъ города творится что-то неладное. Онъ вскочилъ и хотѣлъ бѣжать къ королевнѣ, но въ это время Дружневна сама пришла къ нему и стала говорить ему:

— Вотъ ты спишь, Англусей, и знать ничего не хочешь, а насъ со всѣхъ сторонъ окружили враги, подъ начальствомъ страшнаго великана Лукопера. Ужъ у батюшки моего было и сраженіе съ нимъ, и наше войско разбито, а батюшка попалъ въ плѣнъ. Лукоперъ хочетъ взять меня силою за себя замужъ.

Этотъ разсказъ, какъ искра, брошенная въ порохъ, воспламенилъ Бову. Въ сердцѣ его вспыхнуло справедливое негодованіе противъ наглости Лукопера, а первый опытъ его надъ Маркобруномъ еще болѣе горячилъ его молодецкую кровь, и онъ тутъ же съ одушевленіемъ сказалъ королевнѣ:

— Прекрасная королевна Дружневна! Позволь мнѣ унять этого хвастливаго нахала, позволь

мнѣ помѣряться съ нимъ силами и прогнать его отсюда домой, чтобъ онъ и носа сюда больше не смѣлъ показывать! Неужели ты согласна терпѣть, чтобы онъ издѣвался надъ твоимъ батюшкой, а моимъ благодѣтелемъ, или ты захочешь согласиться, чтобы такой уродъ посмѣлъ взять тебя замужъ?

Королевнѣ Дружневнѣ теперь еще болѣе было жаль Бову королевича: она крѣпко любила его, и одна мысль, что Бова будетъ убитъ, приводила ее въ ужасъ и леденила всю кровь въ жилахъ, а потому она и стала говорить:

— Ахъ, любезный Ангусей, что ты это вздумалъ! Да гдѣ же тебѣ сладить съ этимъ богатыремъ, у котораго голова съ пивной котелъ, а между глазъ укладывается цѣлая ладонь! Ужъ когда мой батюшка не могъ осилить его съ восьмидесятитысячнымъ войскомъ, которое онъ побилъ тупымъ концомъ своего копья, такъ гдѣ же тебѣ одолѣть такого страшнаго соперника.

На это Бова королевичъ сказалъ ей:

— Почемъ знать? Можетъ-быть, я и поубавлю спеси у этого головастаго нахала! Можетъ-быть, и заткну ему ротъ, чтобы онъ не смѣлъ издѣваться надъ моимъ благодѣтелемъ, который пожалѣлъ меня въ сиротствѣ и заплатилъ за меня триста литровъ золота. Прикажи только мнѣ хорошаго коня и богатырскія доспѣхи.

Тогда королевна сказала:

— Ну, милый Ангусей, если ужъ пришла тебѣ такая охота сразиться со врагами и если ты чувствуешь въ себѣ довольно силы, въ томъ

я не сомнѣваюсь, судя по тому, какъ ты управился съ Маркобруномъ, то возьми доспѣхи богатырскіе въ оружейной палатѣ моего батюшки и выбери себѣ любого коня на нашихъ конюшняхъ. Да, кстати я вспомнила, у моего батюшки есть конь, который стоитъ за желѣзными дверями до колѣна въ землѣ. До сихъ поръ еще никто на немъ не ѣздилъ, и онъ никого къ себѣ не подпускалъ. Но врядъ ли и тебѣ совладать съ нимъ.

Получивъ позволеніе отъ Дружневны сразиться съ непріятелемъ, Бова поспѣшилъ въ оружейную, гдѣ хранились доспѣхи богатырскіе. Дружневна сама проводила его туда и помогла ему надѣть стальныя латы. Бова, одѣвшись съ головы до ногъ въ крѣпкую стальную броню, опоясалъ себя мечомъ, надѣлъ на голову пернатый шлемъ и взялъ въ руки тяжелое и долгомѣрное копье. Въ этомъ богатырскомъ нарядѣ Бова былъ дивно-прекрасенъ. Онъ былъ такъ хорошъ собою, что Дружневна не могла смотрѣть на него равнодушно и сказала ему сквозь слезы:

— Ахъ, милый Ангусей, ѣдешь ты на дѣло ратное, на побоище смертное, а мнѣ про себя правды не скажешь... Я полюбила тебя и до сихъ поръ не вѣрю, чтобы ты былъ сыномъ пономаря и прачки...

На это Бова отвѣчалъ:

— О, прекрасная Дружневна! Теперь, когда я надѣлъ доспѣхи богатырскіе, которые были предназначены мнѣ со дня моего рожденія, я могу сказать тебѣ, что и я люблю тебя крѣпко

DAMAGED PAGE

и никому не отдамъ тебя, и могу объявить тебѣ, кто я таковъ; знай же, что я сынъ славнаго короля Гвидона Храбраго, а мать моя — Милитриса Кирбитовна, дочь столь же знаменитаго короля Кирбита Берзоуловича, и настоящее имя мое — Бова королевичъ!

— Такъ, предчувствія мои не обманули меня! — воскликнула королевна Дружневна, обрадованная этимъ признаніемъ. — Ахъ, какъ я боюсь за тебя! Ну, что если непріятели убьютъ тебя, — я не перенесу минуты разлуки съ тобою! Прощай, любезный Бова! Можетъ-быть, мы разстаемся навѣки!..

Говоря это, Дружневна крѣпко обняла Бову королевича и поцѣловала его три раза.

Выйдя на широкій дворъ, Бова попросилъ указать ему, гдѣ находится неприступный конь, который стоитъ по колѣна въ землѣ.

Услыхавъ такое требованіе, конюхи съ удивленіемъ посмотрѣли на Бову.

— Тебѣ посмотрѣть на него хочется? — спросили они.

— Не только посмотрѣть, — отвѣчалъ Бова, — но я хочу ѣхать на немъ.

Конюхи еще болѣе удивились и въ изумленіи выпучили на него глаза.

— Какъ ѣхать?! — сказали они. — Да еще д сихъ поръ не выискивалось такого богатыря, который бы осмѣлился сѣсть на него. Ты, вѣрно шутишь, Бова?

— Что тутъ за шутки, — сказалъ серьезно Бова, — я хочу на немъ ѣхать — и все тутъ. Проводите меня къ этому коню.

III.

Конюхи проводили Бову королевича въ конюшню, гдѣ, дѣйствительно, стоялъ въ землѣ по колѣна вороной масти, статный борзый конь. Онъ ѣлъ пшеницу бѣлоярую, и какъ увидалъ вошедшихъ къ нему, то заржалъ такъ громко, что конюхи едва могли устоять на ногахъ. Глаза у него сверкали какъ раскаленные уголья; онъ, точно левъ, поводилъ ими во всѣ стороны; изъ ноздрей его клубомъ валилъ паръ; видно было, что прибытіе незванныхъ гостей въ его конюшню не особенно ему нравилось.

Шестеро самыхъ сильныхъ конюховъ подняли его съ земли, надѣли на него уздечку шелка шемаханскаго, подтянули сѣдельце черкасское съ чапракомъ алымъ бархатнымъ и вывели на широкій дворъ. Онъ рвался во всѣ стороны какъ лютый звѣрь и ударялъ копытами въ землю такъ, что позади его оставались глубокія рытвины.

Бова смѣло подошелъ къ коню, погладилъ его по спинѣ, потрепалъ по крутой шеѣ, и не успѣлъ еще конь оглянуться, какъ богатырь уже сидѣлъ на немъ. Конь сдѣлалъ два оборота по двору и быстрѣе молніи перескочилъ съ Бовою за ограду и скрылся изъ вида. Конюхи всплеснули руками отъ удивленія и говорили другъ другу:

— Вотъ такъ ловко! Каковъ молодецъ!

— Да! Я вотъ уже тридцать лѣтъ служу королевскимъ конюхомъ, — сказалъ одинъ старый усачъ, — а не видалъ еще такого отважнаго и

смѣлаго удальца! По правдѣ сказать, что Бовѣ только и ѣздить на такомъ бѣшеномъ конѣ. Каковъ же дѣтина выправился! Статенъ, ловокъ, пригожъ собою. Глаза, какъ у сокола, лицо — просто кровь съ молокомъ. А вѣдь помню я, какъ нашъ батюшка государь, Зензевей Андроновичъ, купилъ его еще мальчикомъ. Да и тогда онъ былъ такой красавчикъ, что просто глазъ не отведешь. Теперь ему девятнадцать лѣтъ, и я на старости не могъ досыта налюбоваться имъ, какъ вышелъ онъ изъ королевской оружейной въ богатырскихъ доспѣхахъ. Истинно можно сказать, что воинъ, витязь съ ногъ до головы. Хорошо, если бы ему посчастливилось управиться съ проклятымъ Лукоперомъ. Впрочемъ, можно надѣяться, что Бова постоитъ за себя. Ужъ коли онъ побилъ метлою двѣсти тысячъ, теперь мечомъ перекрошитъ впятеро больше.

Конюхи потолковали между собою, подивились неслыханной удали Бовы королевича и разошлись по своимъ мѣстамъ.

Между тѣмъ, Бова выѣхалъ на ратное поле.

Лукоперъ, увидавъ ѣдущаго къ нему юнаго витязя, громко захохоталъ и сказалъ своимъ шести богатырямъ:

— Посмотрите, какого мальчишку противъ насъ выслали! Что жъ это, смѣяться, что ли, вздумали надо мной? Постой же! Я проучу этого молокососа, чтобъ онъ не совался не въ свое дѣло! Впрочемъ, мнѣ самому стыдно было бы сразиться съ нимъ, пусть который-нибудь изъ васъ пришибетъ его.

MISSING PAGES 35 - 36

MISSING PAGES 35 - 36

до того смирень, какъ будто онъ уже нѣсколько лѣтъ носилъ его на своемъ могучемъ хребтѣ.

Въ городскихъ воротахъ встрѣтили Бову благородные жители съ громкими криками радости: «Да здравствуетъ нашъ храбрый и непобѣдимый витязь Ангусей-Бова! Да живетъ онъ несчетные годы!» Съ такими криками провожали его до самаго дворца королевскаго. А тамъ, на самомъ крыльцѣ, встрѣтилъ его самъ Зензевей Андроновичъ съ прекрасною своею дочерью и со всѣми вельможами. Поравнявшись съ крыльцомъ, Бова соскочилъ съ коня, низко поклонился королю и дочери его, затѣмъ всей свитѣ и поздравилъ ихъ съ побѣдою.

— Благодарю, искренно благодарю тебя, любезный Ангусей,—сказалъ король съ чувствомъ глубокой признательности. — Ты сослужилъ мнѣ двѣ такія службы, что я не придумаю, чѣмъ и наградить тебя!

— Я — твой рабъ и вѣрный слуга, — отвѣчалъ Бова: — располагай мною по твоей волѣ. Я счастливъ уже тѣмъ, что судьба доставила мнѣ случай отплатить тебѣ за добро, которое ты для меня сдѣлалъ. Ты сжалился надъ моимъ сиротствомъ и не пожалѣлъ отдать за меня триста литровъ золотомъ, тогда какъ тебѣ понравилась одна только дѣтская наружность, и ты не могъ ожидать отъ меня никакой пользы.

— Теперь ты не рабъ мнѣ, а вѣрный и надежный мой помощникъ и защитникъ, — отвѣчалъ князь. — Я тебя жалую высшимъ чиномъ, возвожу въ дворянское достоинство; но объ этомъ поговоримъ послѣ, а теперь пойдемъ во дворецъ и отпразднуемъ нашу побѣду надъ врагами.

Король взялъ его за руку и вмѣстѣ съ нимъ и прекрасною Дружневною пошелъ впереди всѣхъ во дворецъ. Какъ велико было уныніе, овладѣвшее королемъ послѣ пораженія его войска, такъ несказанна была теперь его радость послѣ такой блестящей побѣды. Загремѣла веселая музыка, огромныя залы дворца освѣтились безчисленными огнями, полилось рѣкой и зашипѣло въ золотыхъ кубкахъ дорогое вино, и далеко за полночь длился шумный пиръ. Во время пира король Зензевей спрашивалъ своихъ приближенныхъ вельможъ и сановниковъ:

— Чѣмъ мнѣ наградить юнаго Ангусея за его великую заслугу?

Одинъ изъ вельможъ подалъ королю такой совѣтъ:

— Слыхалъ я отъ старыхъ людей, если какой государь холопа купилъ и если тотъ холопъ государю своему выслужится, то тогда холопа слѣдуетъ какъ можно щедрѣе наградить и отпустить на волю.

Король Зензевей Андроновичъ обратился къ Бовѣ:

— Юный мой другъ, вѣрный Ангусей, хочешь ли ты продолжать у меня службу или, наградивъ, отпустить тебя на волю?

Бова королевичъ отвѣчалъ на это:

— Государь мой, король Зензевей Андроновичъ! Я считаю себя еще недостойнымъ награды и воли: я еще не заслужилъ этого, а исполнилъ только мой долгъ; теперь я желаю еще послужить тебѣ, насколько хватитъ моихъ силъ, и заслужить твои великія милости.

Зенз[illegible] Андроновичу очень понравился такой отзывъ Повы королевича.

Наконецъ пиръ кончился, гости разъѣхались и во дворцѣ Зензевея Андроновича всѣ погрузились въ глубокій сонъ, утомленные весельемъ шумнаго вечера. Но зависть, коварная зависть, не спитъ: она всюду зорко смотритъ и не упускаетъ удобнаго случая, чтобы вонзить свое ядовитое жало въ намѣченную жертву и затмить ненавистную ей заслуженную славу. При дворѣ королевскомъ жилъ дворецкій, бывшій прежде королевскимъ постельничимъ, по имени Орлопъ; онъ былъ великій льстецъ, лицемѣръ и человѣкъ самый завистливый и честолюбивый. Ему-то одному и не спалось въ пѣломъ дворцѣ, гдѣ все кругомъ покоилось непробуднымъ сномъ: зависть, какъ червь, грызла ему сердце и не давала сомкнуть глазъ ни на минуту.

— Возможно ли это, — говорилъ онъ про себя, — купленный мальчишка, нищій, холопъ лѣзетъ въ гору, и я ужъ теперь сталъ у него подвластнымъ? Тотъ, который предо мною не могъ слова пикнуть, сегодня, какъ знатный бояринъ какой, сидѣлъ за однимъ столомъ съ самимъ королемъ, и я долженъ былъ ему прислуживать. Нѣтъ, постой, дружокъ, я постарше тебя! Я сыграю съ тобой такую штуку, послѣ которой и духомъ твоимъ здѣсь не будетъ пахнуть!» Долго онъ думалъ, наконецъ вотъ что придумалъ. Сѣлъ за столъ, написалъ письмо, запечаталъ его, надѣлъ платье Зензевея Андроновича, тихо прошелъ въ комнату, смежную со спальней короля, позвалъ слугу его и сказалъ ему:

— Ступай къ Бовѣ и скажи ему, чтобы онъ съ этимъ письмомъ сейчасъ же отправился къ Салтану Салтановичу, отдалъ его прямо ему въ руки и привезъ бы отвѣтъ. Дѣло очень важное и не терпитъ отлагательства. Пусть онъ отправляется сію же минуту.

Слуга, принявъ дворецкаго за самого короля Зензевея, взялъ письмо и пошелъ къ Бовѣ; онъ засталъ его еще не спящимъ. Юноша былъ въ задумчивости насчетъ своего измѣнившагося положенія и раздумывалъ о дальнѣйшей своей судьбѣ, когда вошелъ къ нему королевскій слуга и, подавъ ему письмо отъ мнимаго Зензевея, сказалъ:

— Король приказалъ, чтобы ты съ этимъ письмомъ, не медля ни минуты, отправился къ Салтану Салтановичу и привезъ отъ него отвѣтъ.

Каждое приказаніе короля Бова королевичъ привыкъ считать для себя закономъ и потому, нисколько не подозрѣвая злодѣйскаго умысла, поспѣшно всталъ, одѣлся, осѣдлалъ своего коня богатырскаго, взялъ мечъ-кладенецъ и отправился къ Салтану Салтановичу. Продолжая свой путь уже нѣсколько дней, однажды Бова почувствовалъ утомленіе отъ дальняго пути. Солнце стояло посрединѣ неба и палило землю знойными лучами; воздухъ былъ душенъ; потъ крупными каплями катился съ лица утомленнаго всадника. Ему сильно хотѣлось пить, но куда онъ ни оглядывался, нигдѣ не было видно ни ручья ни даже простой лужи, изъ которой онъ могъ бы утолить мучившую его жажду. Вдругъ увидѣлъ онъ въ сторонѣ дубъ, подъ которымъ стоялъ старикъ и пилъ воду изъ

кружки. Бова подъѣхалъ къ нему и спросилъ его:

— Кто ты таковъ, почтенный старецъ?

— Я — пилигримъ, человѣкъ, странствующій по свѣту, — отвѣчалъ онъ.

— Дѣло похвальное, — замѣтилъ Бова. — Однако я вижу, что ты пьешь воду, а меня сильно мучитъ жажда, — нѣтъ ли у тебя запасной воды, сдѣлай одолженіе, напой меня!

— Изволь, я налью тебѣ въ кружку воды, — сказалъ пилигримъ.

Затѣмъ онъ отвернулся, наполнилъ кружку водою изъ кувшина, хранившагося у него въ висѣвшей за плечами сумѣ, и незамѣтно всыпалъ въ воду усыпительнаго порошка. Взявъ изъ рукъ его кружку, Бова, чувствовавшій сильную жажду, съ жадностью выпилъ всю воду и, отдавъ старику кружку, сказалъ:

— Спасибо тебѣ, добрый старецъ: ты славно освѣжилъ меня!

Бова, дѣйствительно, освѣжился. Но минуты черезъ двѣ его одолѣла сильная дремота; онъ упалъ съ коня и заснулъ крѣпкимъ сномъ. Спалъ онъ долго, нѣсколько сутокъ. И можно представить себѣ, какого было его изумленіе и досада, когда онъ, проснувшись, увидалъ, что у него не было ни меча-кладенца ни коня богатырскаго. Почтенный старецъ, скрывшійся неизвѣстно куда, похитилъ у него то и другое.

— Ахъ, негодный бродяга! — проговорилъ Бова въ досадѣ. — Кто бы могъ подумать, что онъ сыграетъ со мною такую пакостную штуку. Вотъ и вѣрь послѣ этого наружности!

Бова сильно потужилъ о своемъ вѣрномъ товарищѣ — конѣ богатырскомъ и мечѣ-кладенцѣ, но дѣлать было нечего: какъ ни тужи, а потеряннаго, видно, не воротишь. Съ этою мыслью онъ отдался на произволъ судьбы и пошелъ впередъ пѣшкомъ. Шелъ еще нѣсколько дней. Наконецъ предъ глазами его открылся обширный городъ. Онъ направилъ шаги прямо къ этому городу и, войдя въ него, спросилъ у перваго встрѣтившагося ему прохожаго:

— Скажи, любезный, какъ называется этотъ городъ и кому онъ принадлежитъ?

— Городъ этотъ называется Ордубатъ, Рагильскаго царства, и принадлежитъ славному и знаменитому царю Салтану Салтановичу, — отвѣчалъ прохожій.

«А! его-то мнѣ и нужно», сказалъ про себя Бова, и пошелъ прямо во дворецъ Салтана.

Когда онъ объявилъ во дворцѣ, что присланъ съ письмомъ отъ короля Зензевея Андроновича, его немедленно проводили къ самому Салтану Салтановичу. Представ предъ его свѣтлыя очи, Бова ниско поклонился ему, подалъ письмо и сталъ въ почтительномъ отдаленіи, ожидая отвѣта.

Салтанъ распечаталъ письмо, прочиталъ его, и вдругъ суровое лицо царя побагровѣло отъ злости. Онъ взглянулъ на Бову съ яростнымъ видомъ и вскричалъ:

— А! это ты, злодѣй, который убилъ моего сына Лукопера и побилъ все мое храброе войско! Хорошо, что ты самъ пришелъ ко мнѣ на смерть! Теперь ты живъ отъ меня не уйдешь. Я отомщу тебѣ за все, что было чрезъ тебя потеряно мною!

Эй, стража! — вскричалъ онъ, хлопнувъ въ ладоши.

Стража немедленно явилась.

— Возьмите вотъ этого злодѣя и отведите прямо на висѣлицу!

Стража повиновалась и повела Бову на висѣлицу. Его окружалъ сторожевой отрядъ, состоящій изъ шестидесяти человѣкъ отборной дружины.

Когда подвели Бову къ висѣлицѣ, онъ прослезился и подумалъ про себя:

«За что я долженъ погибнуть? Такой ли я ожидалъ благодарности отъ Зензевея Андроновича за мою вѣрную службу. Дважды я спасалъ его отъ смерти и царство его отъ враговъ, и вотъ чѣмъ онъ наградилъ меня: послалъ на явную смерть. О, моя дорогая Дружневна, помяни меня въ своей святой молитвѣ! Но неужели я долженъ подставить шею палачамъ какъ преступникъ? Я не знаю за собой вины, и мнѣ не принесло бы никакой чести, если бы я позволилъ лишить себя жизни, не предпринявъ ничего къ моей защитѣ. Жаль, что нѣтъ со мною никакого оружія; впрочемъ, у меня есть руки — попробую, авось, удастся мнѣ какъ-нибудь отдѣлаться отъ петли. Господи, благослови!»

И Бова тряхнулъ могучими руками: воины какъ градъ посыпались наземь; онъ выхватилъ у одного изъ нихъ саблю и началъ работать ею направо и налѣво. Головы летѣли какъ мячики, обезглавленные трупы ложились какъ снопы, у ногъ богатыря; многіе было побиты, а остальные отъ страха разбѣжались.

Увидѣвъ себя на свободѣ, Бова побѣжалъ вонъ изъ города. Но Салтанъ, увѣдомленный о пораженіи всей стражи, велѣлъ трубить въ бранный рогъ и мигомъ собралъ сто тысячъ войска. Онъ погнался за Бовою и, поймавъ его, сталъ говорить ему:

— Ты хотѣлъ убѣжать отъ казни, но я все-таки вели тебя повѣсить!

Бову повели обратно въ городъ и отдали подъ крѣпкую стражу; но необыкновенная красота юноши на этотъ разъ спасла его.

У Салтана Салтановича была дочь, прекрасная Мельчигрія Салтановна; увидя Бову, она влюбилась въ него, и ей стало жаль такого красавца. Она пришла къ отцу и стала просить его, чтобы онъ оказалъ милость прекрасному юношѣ.

— Государь мой, батюшка, — сказала она, — сына твоего тебѣ не воскресить и войска побитаго не воротить. Прошу тебя: не вели казнить этого витязя, а позволь мнѣ взять его къ себѣ. Онъ можетъ быть намъ полезенъ для защиты нашего отечества отъ враговъ. Пусть онъ останется съ нами, привыкнетъ къ нашимъ обычаямъ, приметъ нашу вѣру и возметъ меня за себя замужъ. Да и тебѣ не худо имѣть такого храбраго и сильнаго богатыря зятемъ. Сдѣлавшись моимъ мужемъ, онъ замѣнитъ твоего любимаго сына, а моего брата Лукопера. Разсуди милостиво, чѣмъ онъ виноватъ предъ тобою? Онъ защищалъ своего короля и точно такъ же защититъ и тебя въ случаѣ надобности, назвавъ меня своей женой.

MISSING PAGES 45 - 46

MISSING PAGES 45 - 46

— О, вѣрный мой товарищъ, добрый мечъ-кладенецъ! — говорилъ онъ печально. — Будь теперь ты со мною — выручилъ бы ты меня изъ бѣды!

Говоря это, онъ сталъ осматриваться вокругъ по сторонамъ въ той надеждѣ, не найдетъ ли тутъ какого-нибудь заброшеннаго желѣзнаго запора потолще или дубинки потяжеловѣснѣе, — и что жъ? Вдругъ онъ видитъ въ углу темницы мечъ-кладенецъ, который былъ, какъ двѣ капли воды, похожъ на украденный у него старцемъ-пилигримомъ.

Самые лучшіе друзья послѣ долгой разлуки не встрѣчаются съ такимъ восторгомъ, съ какимъ онъ схватилъ своего неизмѣннаго товарища. Онъ поцѣловалъ его, какъ любимую подругу, крѣпко прижалъ къ груди, потомъ взялъ въ могучую руку и сталъ дожидаться, когда войдутъ воины.

Между тѣмъ, двери темницы отворились, и она стала наполняться воинами, которые окружили Бову и хотѣли взять его, чтобы вести прежде къ Салтану, а потомъ на казнь. Но Бова не допустилъ ихъ даже дотронуться до себя: только взмахнулъ раза три мечомъ-кладенцемъ, и изъ посланныхъ стражей не осталось ни одного, который бы могъ извѣстить Салтана о случившемся.

IV.

Царь Салтанъ былъ взбѣшенъ тѣмъ, что къ нему такъ долго не приводятъ молодого богатыря, и онъ послалъ за нимъ новый отрядъ

воиновъ; но тѣ, пришедши къ темницѣ, увидали товарищей своихъ перебитыми, а что касается Бовы королевича, то его уже тамъ не было: онъ давно уже былъ за городомъ. Увѣдомленный о побѣгѣ Бовы, Салтанъ собралъ около ста тысячъ войска и пустился за бѣжавшимъ узникомъ; но богатырь успѣлъ уже достигнуть морского берега, гдѣ находилась корабельная пристань, на которой стоялъ корабль, готовый къ отплытію. Бова попросилъ корабельщиковъ принять его на корабль, и они согласились на на его просьбу. Но едва корабль успѣлъ отплыть на небольшое разстояніе отъ берега, какъ Салтанъ прибылъ къ берегу со своимъ войскомъ и грозно потребовалъ отъ корабельщиковъ, чтобы они немедленно выдали Бову, угрожая имъ, въ противномъ случаѣ, неминуемою гибелью. Корабельщики, испуганные его угрозами, согласились на исполненіе его требованія и уже направили корабль обратно къ пристани, чтобы передать Бову изъ рукъ въ руки Салтану. Но богатырь въ самыхъ крайнихъ случаяхъ всегда умѣлъ сохранить присутствіе духа; онъ быстро обнажилъ мечъ и грозно вскричалъ:

— Смерть будетъ удѣломъ каждаго, кто осмѣлится не слушаться меня!

Боясь мщенія Салтана, нѣкоторые возвысили было противъ него голосъ, но въ ту же минуту головы ихъ слетѣли съ плечъ.

Устрашенный капитанъ корабля, находясь между двухъ крайностей и видя, что за малѣйшее ослушаніе онъ поплатится своею жизнью, безпрекословно повиновался Бовѣ и далъ бега-

тырю обѣщаніе плыть съ нимъ куда будетъ ему угодно.

Послѣ этого корабль поднялъ всѣ паруса и поплылъ отъ враждебнаго берега съ такою быстротой, что и соколъ на всемъ лету не перегналъ бы его. Теперь Бова сдѣлался на немъ полнымъ распорядителемъ и ласковымъ обращеніемъ своимъ старался загладить свой грозный поступокъ, на который онъ былъ вынужденъ необходимостью.

Плаваніе ихъ продолжалось нѣсколько недѣль.

Попутный вѣтеръ, играя парусами, благопріятствовалъ успѣшному ходу корабля, который гордо прорѣзывалъ гладкую поверхность моря, обозначая свой слѣдъ расходившеюся позади его сѣдою пѣной. Наконецъ вдали показался берегъ, на которомъ былъ расположенъ обширный городъ. Навстрѣчу имъ попалась рыбачья лодка. Бова приказалъ подать ей знакъ, чтобы она приблизилась. Когда лодка подошла къ кораблю на такое разстояніе, съ котораго можно было разслышать голосъ человѣческій, Бова спросилъ одного изъ сидѣвшихъ на ней рыболововъ, изъ коихъ одинъ былъ старикъ почтеннаго вида, вѣроятно, выѣхавшій на ловлю съ сыномъ своимъ:

— Кому принадлежитъ этотъ городъ на берегу?

— Королю Маркобруну, Задонскаго царства,— отвѣчалъ старикъ.

— А!— воскликнулъ Бова.— Это не тотъ ли самый Маркобрунъ, который сватался за дочь короля Зензевея Андроновича, прекрасную

Дружневну, и воротился домой безъ невѣсты и безъ войска?

— Тотъ самый, — подтвердилъ старикъ. — Только онъ теперь все-таки поставилъ на своемъ: привезъ невѣсту и завтрашній день женится на прекрасной дочери короля Зензевея Андроновича.

Такое неожиданное извѣстіе поразило Бову.

«Часъ отъ часу не легче, — подумалъ онъ. — Вѣрно въ мое отсутствіе Маркобрунъ опять подступилъ къ столицѣ Зензевея и взялъ Дружневну силою».

Мысль о добровольномъ согласіи королевны на вступленіе въ бракъ съ Маркобруномъ не могла прійти ему въ голову: ея слезы, ея прощальный поцѣлуй ручались ему за искренность и глубину ея чувствъ.

Подумавъ немного и какъ будто вдругъ рѣшившись на какое-то дѣло, онъ сказалъ рыбаку:

— Продай мнѣ рыбу для моихъ корабельщиковъ.

Рыбакъ былъ очень радъ, что ему безъ дальнихъ хлопотъ представляется случай сбыть съ рукъ рыбу, — подплылъ къ самому кораблю и вошелъ въ него съ ведеркой рыбы, оставивъ въ лодкѣ младшаго своего товарища. Бова далъ ему горсть золотыхъ; старикъ, получивъ такую неожиданную щедрую плату, бросился ему въ ноги и съ благодарностью сказалъ:

— Ахъ, ты нашъ батюшка, корабельный гость! Да ты меня осчастливилъ со всѣмъ моимъ семействомъ. Теперь намъ во всю жизнь не прожить твоихъ денегъ.

MISSING PAGES 51 - 62

MISSING PAGES 51 - 62

отца. Благодарю тебя за пріемъ и за память о другѣ моемъ Бовѣ королевичѣ.

— Скажи ему, — отвѣчала Дружневна, — что я всегда о немъ помню и съ нетерпѣніемъ жду минуты свиданія съ нимъ.

Старикъ вышелъ изъ комнаты, а королевна, приказавъ служителямъ, чтобы они завтра утромъ пропустили этого старика во дворецъ и, взявъ съ собою принесенное имъ зелье, тотчасъ же отправилась въ садъ. Тамъ она сорвала лучшую розу, всыпала въ нее усыпляющій порошокъ, приколола ее къ своей груди и пошла къ Маркобруну. Какъ только увидалъ ее Маркобрунъ, то вскричалъ въ восторгѣ:

— Ахъ, какъ ты прекрасна съ этой розой!

— Король, — сказала Дружневна, — если эта роза такъ понравилась тебѣ, то и завтра я приколю ее себѣ на грудь. А какой прелестный запахъ, такъ бы, кажется, и дышала имъ!

И она поднесла розу къ самому носу Маркобруна, который съ аппетитомъ понюхалъ ее раза три и, тотчасъ же почувствовавъ надъ собою усыпительную силу зелья, сказалъ:

— Ахъ, какъ мнѣ захотѣлось спать! Прощай, я оставлю тебя на время, а самъ немного сосну, — и ушелъ въ свою спальню.

— Усни, мой другъ, — сказала ему вслѣдъ Дружневна съ насмѣшливою улыбкой. — Желаю тебѣ пріятнаго сна до радостнаго пробужденія!

V.

Наступила ночь. Начиная съ короля, все успокоилось во дворцѣ его; только на поварнѣ еще

слышна была суетня да не спала прекрасная Дружневна Зензевеевна. Предстоящее свиданіе съ Бовою королевичемъ, который одинъ былъ въ состояніи освободить ее отъ Маркобруна и защитить въ случаѣ надобности, не выходило у нея изъ мыслей. Ночь казалась ей вѣчностью, часы тянулись съ мучительною медленностью; она ждала и не могла дождаться разсвѣта слѣдующаго дня, который сулилъ ей такъ много радости.

— Ахъ скоро ли займется заря! — твердила она то и дѣло.

Наконецъ заря, какъ будто въ угоду ей, вспыхнула на далекомъ горизонтѣ.

— Ахъ, что это такъ долго не восходитъ солнышко!

Но вотъ и солнышко выкатилось изъ-за дальнихъ горъ, веселое и радостное, привѣтствуя пробудившуюся природу, какъ любящій женихъ прекрасную невѣсту. Прошло еще съ четверть часа.

«Что жъ это не идетъ старикъ? Ужъ не обманулъ ли?» думаетъ королевна, — а старикъ тутъ какъ тутъ, будто изъ земли вдругъ выросъ.

— Съ добрымъ утромъ, прекрасная Дружневна Зензевеевна! — сказалъ онъ съ низкимъ поклономъ. — Все ли исполнила ты, какъ я осмѣлился совѣтовать тебѣ?

— Все, какъ есть, и Маркобрунъ, только что понюхалъ розу, тотчасъ же сталъ зѣвать и ушелъ спать. Теперь навряд ли кто можетъ разбудить его.

— Хорошо, — сказалъ старикъ, — лучше этого и не надо; а что касается меня, то и я. съ

своей стороны, исполнилъ все по твоему желанію. Бова королевичъ прислалъ тебѣ со мною поклонъ и съ нетерпѣніемъ ждетъ тебя. Когда я сказалъ ему, что ты еще о немъ все помнишь, куда вся грусть его пропала! Онъ вспрыгнулъ отъ радости и такъ крѣпко обнялъ меня, что чуть не задушилъ старика. Ты сама все увидишь и узнаешь, когда Бова королевичъ будетъ съ тобою.

— Ахъ, добрый старичокъ, рѣшаясь на такой отважный поступокъ, я чувствую какую-то робость!

— Я за все ручаюсь, Дружневна Зензевеевна, не бойся ничего. Маркобрунъ не проснется ровно девять дней. Ладно, что ты усыпила его, а остальное ужъ не твоя забота. Ты удивишься даже, какъ я улажу ваше дѣло.

Дружневна стала собираться; сборы ея были непродолжительны, потому что еще наканунѣ все было ею приготовлено къ предстоящему побѣгу. Взявъ съ собою узелъ бѣлья и ларчикъ съ драгоцѣнными вещами, который, по ея мнѣнію, могъ пригодиться на всякій случай, она вышла со старикомъ на крыльцо.

Вдругъ тусклые до сихъ поръ глаза старика заблистали какимъ-то необыкновеннымъ свѣтомъ и онъ громко воскликнулъ:

— Гей, ты, вѣрный мой конь! встань предо мной, какъ листъ передъ травой!

На этотъ могучій возгласъ старика богатырскій конь громко заржалъ и началъ пробивать копытами желѣзныя двери конюшни.

— Ахъ, старинушка, что ты надѣлалъ?! — сказала Дружневна въ испугѣ. — Ну, если въ

самомъ дѣлѣ этотъ конь выскочитъ отъ многа народа передавитъ! Съ нимъ никто не можетъ совладѣть, кромѣ Бовы королевича, — только тотъ умѣетъ укрощать его.

— Не безпокойся, прекрасная королевна, я тоже могу укротить этого коня: онъ мнѣ немного знакомъ.

Нужно сказать, что конь этотъ стоялъ за восемью желѣзными дверями и былъ прикованъ къ дубовому столбу восемью желѣзными цѣпями. Казалось, трудно было ему вырваться; но лишь только крикнулъ старикъ, какъ въ ту же минуту конь заржалъ до того громко, что едва не оглушилъ всѣхъ. Бояня и народъ, даже сама Дружневна, — всѣ разбѣжались въ испугѣ. Вскорѣ раздался стукъ и топотъ, и слышно было, какъ рвались цѣпи, какъ трещали желѣзныя двери; наконецъ послѣдняя дверь, сорванная съ петель, отлетѣла на нѣсколько саженъ. Статный могучій конь вырвался на свободу и прыгнулъ отъ радости на привольномъ воздухѣ; но какъ только увидалъ Бову, то подбѣжалъ къ нему и опустился предъ нимъ на колѣни. Бова потрепалъ его по крутой шеѣ и поднялъ на ноги.

Старикъ пошелъ къ Дружневнѣ, убѣжавшей отъ испуга въ свои комнаты, и сказалъ ей:

— Вотъ видишь ли, прекрасная Дружневна Зензевеевна, какъ славно я уладилъ дѣло. Теперь, чѣмъ намъ пѣшкомъ итти, мы можемъ отправиться въ путь на конѣ, да еще на такомъ, подобнаго которому въ свѣтѣ нѣтъ.

Обхожденіе старика съ конемъ возбудило въ Дружневнѣ еще болѣе довѣрія къ его словамъ,

и она сейчасъ рѣшилась теперь итти за нимъ, хотя онъ и казался ей какимъ-то загадочнымъ существомъ.

— Но скажи мнѣ, старикъ, — спросила она, — какъ ты могъ укротить этого богатырскаго коня?

— Еще ли не привыкнуть ему къ моему голосу и не узнать прежняго своего хозяина! — отвѣчалъ старикъ. — Конь и то узналъ, а тебѣ, прекрасная Дружневна Зензевеевна, неужели не предсказало предчувствіе, что предъ тобою стоитъ и говоритъ съ тобою самъ Бова?

— Что ты старикъ! — сказала Дружневна, удивленная такимъ оборотомъ рѣчи. — Ты смѣять-ся надъ мною задумалъ? Стыдно тебѣ на старости лѣтъ такой вздоръ молоть. Взгляни на себя хорошенько: не въ укоръ тебѣ будь сказано, и безобразенъ и чуть на ногахъ держишься, а мой Бова такой молодецъ, какихъ свѣтъ мало видалъ.

— Очень благодарепъ тебѣ, Дружневна Зензевеевна.

— За что же благодаришь меня?

— А за то, что ты меня очень хвалишь.

— Какъ, развѣ я тебя хвалила?

— А вотъ увидишь. Прикажи подать мнѣ холодной воды и позволь мнѣ умыться.

По приказанію Дружневны, тотчасъ подали все нужное для умыванія. Бова, взялъ воды, всыпалъ въ нее волшебнаго зелья и сталъ умываться. Какъ прежде изъ молодого дѣлался онъ старымъ, такъ и теперь изъ дряхлаго старика сталъ превращаться въ молодого красавца. Морщины сглаживались одна за другой, и желтый

цвѣтъ лица уступилъ мѣсто яркому румянцу; волосы завились въ кудри; зубы чудной бѣлизны сами по себѣ вставлялись въ розовыя десны, окруженныя красивыми пурпуровыми губами; станъ выпрямился, какъ стрѣла; клюка, на которую Бова плеснулъ водою, превратилась въ мечъ-кладенецъ, и, наконецъ, сбросивъ съ себя худой кафтанишка, Бова очутился передъ изумленною королевной въ настоящемъ видѣ.

— Ахъ, милый мой, дорогой Бова! — вскричала королевна, бросившись къ нему въ объятія. — Тебя ли я вижу? Ты ли опять предо мною, которая ни на минуту не забывала о тебѣ? Ты подъ видомъ старика выпѣдалъ всю завѣтную тайну моего сердца, и теперь скрываться мнѣ передъ тобой не зачѣмъ. Я вся твоя, только освободи меня отъ Маркобруна, который силою хочетъ быть моимъ мужемъ.

— Мужемъ твоимъ ему не бывать! Или онъ хочетъ опять отвѣдать моей силы и храбрости? Посмотримъ, кто осмѣлится отнять у меня мою прекрасную Дружневну!

— Я съ тобою ничего не боюсь. Только оставимъ поскорѣе это ненавистное мѣсто!

Она сошла съ Бовою на крыльцо, и богатырь смѣло приказалъ конюхамъ осѣдлать для королевны иноходца. Никто не смѣлъ ему сопротивляться, но всѣ дивились, откуда взялся вдругъ такой прекрасный витязь. Когда все было готово къ отъѣзду, Бова и Дружневна сѣли на коней и выѣхали изъ города, не встрѣтивъ на пути никакого препятствія.

Такимъ образомъ, когда Маркобрунъ спалъ непробуднымъ сномъ, Бова и Дружневна ѣхали

MISSING PAGES 69 - 76

MISSING PAGES 69 - 76

великодушный и благородный Урилъ, не желая выдать своихъ гостей, которымъ угрожала явная смерть, отвѣчалъ имъ:

— Кто пользуется моимъ гостепріимствомъ, тотъ находится подъ моимъ покровительствомъ, я долженъ хранить и защищать ихъ.

Съ этимъ отвѣтомъ посланные возвратились къ Маркобруну, который въ негодованіи немедленно сдѣлалъ распоряженіе къ осадѣ города. Между тѣмъ и князь Урилъ собралъ большое войско, взялъ съ собою двухъ сыновей своихъ и выступилъ противъ Маркобруна. Завязалась кровопролитная битва, о которой Бова королевичъ съ Полканомъ ничего не знали. Войска съ обѣихъ сторонъ сражались мужественно, не уступая одно другому ни шагу земли, и, быть-можетъ, Урилъ остался бы побѣдителемъ, но Маркобрунъ рѣшился употребить въ помощь свои орудія, которыхъ у князя Урила не было, и этимъ принудилъ своихъ противниковъ къ отступленію; онъ быстро погнался за ними, разбилъ ихъ наголову, а самого Урила съ двумя его сыновьями взялъ въ плѣнъ. Въ такомъ несчастномъ положеніи Урилъ, желая освободиться изъ жестокаго плѣна, всю тягость котораго Маркобрунъ заставилъ его почувствовать, скрѣпя сердце, обѣщалъ выдать побѣдителю своихъ гостей, — а для удостовѣренія оставилъ въ залогъ Маркобруну обоихъ своихъ сыновей. Маркобрунъ отпустилъ Урила и послалъ съ нимъ огромное войско, чтобы привести Бову королевича, Дружневну и Полкана.

Воротясь въ свои палаты, Урилъ пошелъ прямо въ спальню къ своей супругѣ. а Пол-

жанъ подошелъ къ двери, приложилъ ухо и сталъ слушать, что будетъ.

— Знаешь ли, любезная моя супруга, — произнесъ онъ печально, — я оставилъ въ залогъ у Маркобруна обоихъ сыновей нашихъ съ тѣмъ, чтобы выдать ему нашихъ гостей. Правда, мнѣ больно исполнять данное обѣщаніе, тѣмъ болѣе, что ихъ ожидаетъ смертная казнь, но дѣтей оставлять въ тяжкомъ плѣну еще больнѣе.

— Другъ мой, — отвѣчала Урилу супруга его, — если судьбѣ угодно отнять у насъ дѣтей, то такъ тому и быть: мы должны покориться ей; но выдать гостей запрещаетъ намъ долгъ гостепріимства, и стыдно было бы намъ, если бы мы его нарушили!

Полканъ, услыхавъ это, отошелъ отъ двери и, подойдя къ окну, увидалъ, что весь дворъ былъ полонъ Маркобруновыми войсками. Богатырь, не долго думая, взялъ мечъ Бовы королевича, сошелъ на дворъ и началъ съ плеча рубить всѣхъ находившихся тамъ воиновъ, а также и тѣхъ, которые находились на улицахъ города. Вскорѣ онъ положилъ ихъ всѣхъ на мѣстѣ, а затѣмъ пошелъ и затворилъ городскія ворота, чтобы непріятели не могли входить въ городъ; послѣ того онъ пошелъ къ Бовѣ, разбудилъ его и сказалъ:

— Государь мой, Бова королевичъ, долго ты заспался и ничего не знаешь. Во время твоего сна Маркобруновы воины вошли въ городъ, вѣроятно, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы приступить къ грабежу; но я — ужъ ты прости меня за смѣлость — взялъ твой мечъ, перебилъ

ихъ всѣхъ и затворилъ ворота, чтобы еще не вошли, а ихъ тамъ еще много осталось!

Бова королевичъ поблагодарилъ Полкана за вѣрную службу его; затѣмъ осѣдлалъ коня богатырскаго и вмѣстѣ съ Полканомъ выѣхали изъ города противъ Маркобрунова войска. Бова ѣхалъ по правую, а Полканъ, съ огромнымъ дубомъ, шелъ по лѣвую сторону. Упоенное нежданною побѣдой Маркобруново войско предавалось веселью и отдыху, и вдругъ какъ два неожиданные громовые удара разразились съ двухъ сторонъ надъ ихъ головами: то два могучіе богатыря летали какъ молніи, и какъ градъ поражаетъ колосья, такъ и они поражали многочисленное войско. Бова безъ пощады рубилъ ихъ мечомъ, а Полканъ раздроблялъ своимъ огромнымъ дубомъ. Пощады не было никому и вскорѣ отъ всего многочисленнаго войска остались только одни безжизненные трупы.

Дѣти князя Урила были освобождены изъ плѣна, а самъ Маркобрунъ чуть не попался въ плѣнъ, едва спасшись бѣгствомъ лишь съ малымъ числомъ оставшагося войска.

Такимъ образомъ, короля Маркобруна, который было уже хотѣлъ торжествовать побѣду свою, богатыри принудили обратиться въ бѣгство со стыдомъ и съ потерею всего многочисленнаго войска; послѣ этого оба богатыря возвратились въ городъ. Въ городскихъ воротахъ побѣдителей съ восторгомъ встрѣтилъ весь народъ, который спасенъ былъ ими отъ разграбленія и смерти. Съ громкими восклицаніями провожали ихъ горожане до самаго златоверхаго терема, гдѣ встрѣтили ихъ самъ Урилъ,

супруга его и оба сына, спасенные ими отъ тяжкаго плѣна, и не находили достаточно словъ для выраженія имъ своей благодарности.

Тогда Бова королевичъ, обратясь къ Урилу и супругѣ его, сказалъ:

— Не вы меня, а я долженъ васъ благодарить за то, что вы приняли насъ такъ гостепріимно и радушно, что скорѣе рѣшились пожертвовать своими дѣтьми, нежели нарушить свой долгъ гостепріимства и выдать насъ непріятелямъ. Вашъ добрый поступокъ никогда не изгладится изъ нашей памяти

Весь этотъ день посвященъ былъ увеселеніямъ по случаю совершенной славной побѣды надъ непріятельскими войсками. На другой день Бова королевичъ, прекрасная Дружневна и Полканъ-богатырь, поблагодаривъ Урила за его гостепріимство, простились съ нимъ и съ его семействомъ и отправились опять всѣ втроемъ въ дальнѣйшій путь.

Путешествіе ихъ продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ. На дорогѣ съ прекрасною Дружневною сдѣлалась большая перемѣна: ея свѣтлые глаза потускнѣли, румянецъ поблекъ на щекахъ, и она часто останавливалась, чувствуя какое-то изнеможеніе во всѣхъ членахъ.

— Другъ мой, — сказала она мужу, — я не могу ѣхать дальше.

Тогда Бова выбралъ самое пріятное и живописное мѣсто, на которомъ и раскинулъ свой шатеръ.

Полканъ-богатырь во время остановокъ не имѣлъ обыкновенія входить въ шатеръ, а все-

предпочиталъ покоиться лучше на мягкой [illegible], такъ было и на этотъ разъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ остановки королевна Дружневна родила, къ величайшей радости Бовы, двухъ прекрасныхъ сыновей, которыхъ онъ, въ память своего дядьки и вѣрнаго слуги, назвалъ Симбалдою и Личардою; оба мальчика лицомъ очень походили на отца своего. Бова королевичъ не могъ вдоволь налюбоваться на нихъ, и прекрасная Дружневна стала ему еще милѣе.

Они провели на этомъ мѣстѣ слишкомъ два мѣсяца. Здоровье Дружневны совершенно поправилось, и однажды Бова сказалъ ей:

— Теперь, мнѣ кажется, мы можемъ отправиться на мою родину, къ моему отцу Гвидону и къ дядькѣ моему Симбалдѣ.

Дружневна съ охотою изъявила свое желаніе ѣхать. Бова, оставшись по смерти отца трехлѣтнимъ ребенкомъ, не могъ, разумѣется, понимать, какое ужасное кровавое событіе совершилось тогда въ его глазахъ. Короля Додона онъ видѣлъ только одинъ разъ и почелъ его гостемъ; что же касается отца, то мать его, запретивъ всѣмъ говорить ребенку о смерти отца, натолковала ему, что отецъ его отправился въ дальнія страны и не скоро оттуда воротится; слова Симбалды, объяснившаго ему поступокъ матери, когда онъ разыскалъ Бову, хотя ясными, были для него очень темны и непонятны, а послѣдовавшее потомъ заключеніе его въ темницу онъ считалъ наказаніемъ за какое-нибудь важное ослушаніе. Наступившая затѣмъ странническая жизнь совершенно изгла-

DAMAGED PAGE

дила изъ его памяти младенческіе годы, и [illegible] нихъ осталось одно только смутное [illegible]ніе о добромъ, ласковомъ [illegible], который [illegible] сажалъ его къ себѣ на колѣни и кормилъ [illegible]ными лакомствами.

Лишь только собрались они въ путь, [illegible] услышали необыкновенный конскій топотъ и крики людей.

— Не дадутъ мнѣ покою ни на минуту, — сказалъ Бова. — Вѣдь это [illegible] только желательно было бы мнѣ знать, кто [illegible]детъ ее и куда. Ужъ не Маркобрунъ ли опять подняжся? Да нѣтъ! Кажется, въ послѣдній разъ я отбилъ у него всякую охоту къ [illegible]нымъ погонямъ.

Полканъ спросилъ у него:

— Не позволишь ли мнѣ, господинъ мой, встрѣтить и угостить эту рать, или самъ отправишься?

— Нѣтъ, ступай ты, — отвѣчалъ Бова, — а я подожду тебя здѣсь.

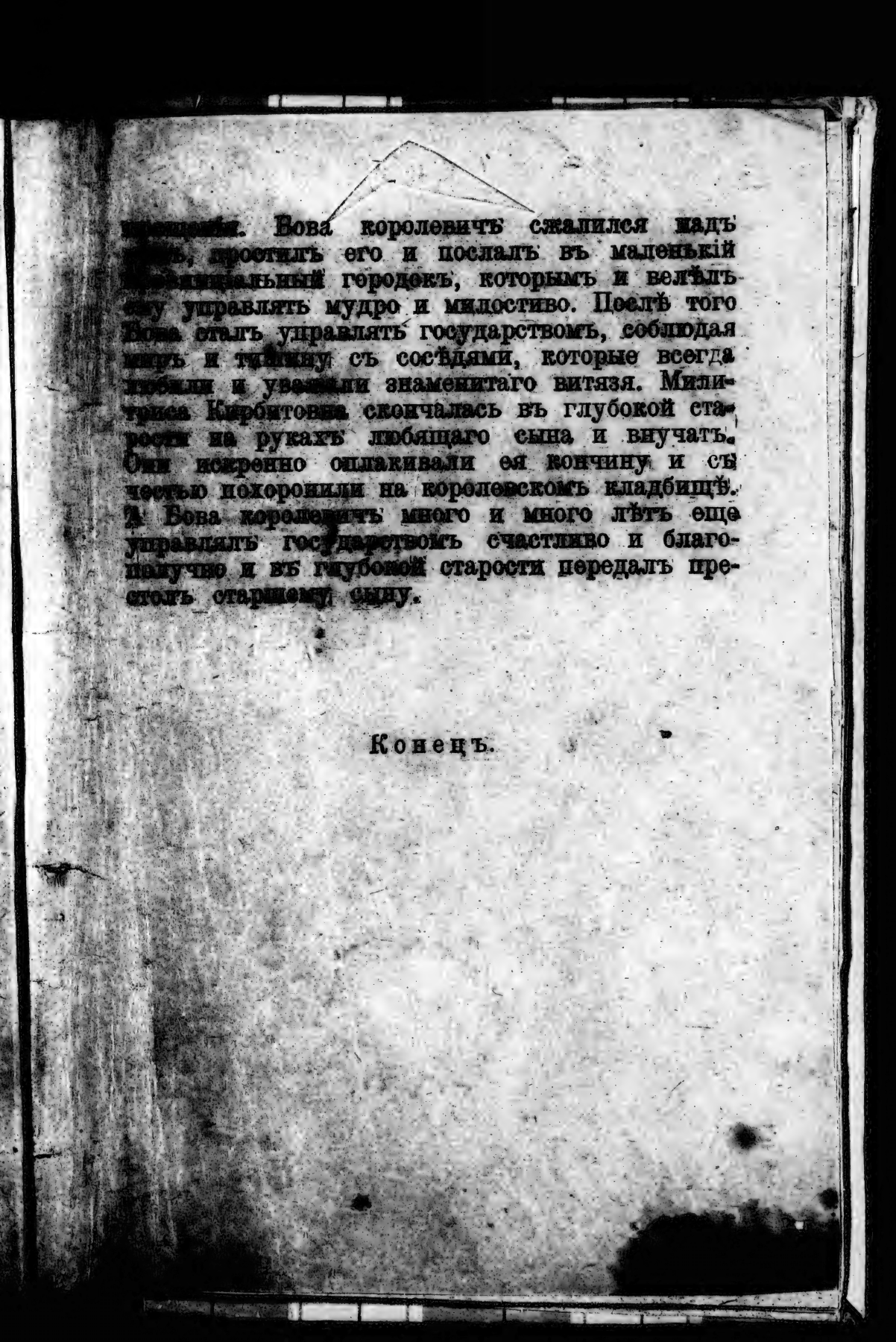
Полканъ быстро поскакалъ навстрѣчу рати и вскорѣ воротился, приведя съ собою къ Бовѣ множество связанныхъ воиновъ, составлявшихъ передовой отрядъ приближавшейся огромной рати.

Бова спросилъ ихъ:

— Откуда вы и кто вашъ повелитель?

— Повелитель нашъ король Додонъ, — отвѣчали плѣнники. — Онъ узналъ, что Бова королевичъ ѣдетъ въ свое государство, и приказалъ намъ взять его въ плѣнъ и привести къ себѣ.

— Вотъ какъ! Видно, вашъ Додонъ не [illegible] шутку храбръ. Только онъ ошибся въ [illegible]



преступленія. Вова королевичъ сжалился надъ нимъ, простилъ его и послалъ въ маленькій провинціальный городокъ, которымъ и велѣлъ ему управлять мудро и милостиво. Послѣ того Вова сталъ управлять государствомъ, соблюдая миръ и тишину съ сосѣдями, которые всегда любили и уважали знаменитаго витязя. Милитриса Кирбитовна скончалась въ глубокой старости на рукахъ любящаго сына и внучатъ. Они искренно оплакивали ея кончину и съ честью похоронили на королевскомъ кладбищѣ. Вова королевичъ много и много лѣтъ еще управлялъ государствомъ счастливо и благополучно и въ глубокой старости передалъ престолъ старшему сыну.

Конецъ.

W381.5917N-K154p
pages 1-4 missing
W117143